

Виктор Полтерович, Владимир Попов

ДЕМОКРАТИЯ, КАЧЕСТВО ИНСТИТУТОВ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ¹

Настоящая работа отличается двумя инновациями. Во-первых, в отличие от других работ, мы рассматриваем не только уровень демократии, но и прирост этого уровня, то есть процесс демократизации в 70–90-х гг. прошлого века, измеряемый индексами политических прав, публикуемых Freedom House. Во-вторых, мы проводим различие между демократией и правопорядком, то есть порядком, основанном на законах и правилах, устанавливаемых властями; правопорядок измеряется индексами правопорядка, индексами инвестиционного климата (риска) и индексами коррупции. Проверяются две взаимосвязанные гипотезы: 1) в странах с сильным правопорядком демократизация стимулирует экономический рост, а в странах со слабым правопорядком демократизация отрицательно влияет на рост; 2) демократизация в условиях слабого правопорядка ведет к возникновению так называемых нелиберальных демократий — в таких странах теневая экономика расширяется, институциональный потенциал государства слабеет, качество макроэкономической политики ухудшается.

1. ВВЕДЕНИЕ

Общепризнано, что демократия (выборность высших должностных лиц, участие широких масс в принятии решений) является одной из целей развития наряду с такими, как уровень ВВП на душу населения, уровень образования, продолжительность жизни, социальное равенство и т. д. Меньше единого мнения относительно того, насколько важна демократия в сравнении с другими целями развития. Известный политический философ Джон Ролс сформулировал принцип, в соответствии с которым демократические ценности и права человека имеют приоритетное значение: согласно Ролсу (Rawls, 1971), права человека, включая политические права, «не могут быть ни предметом политического торга, ни разменной монетой при расчете

¹ Текст печатается с сокращениями. — *Ред.*

общественных интересов». Такая традиция обычно ассоциируется с западной культурой. С другой стороны, защитники «азиатских ценностей», корни которых часто ищут в конфуцианстве, настаивают на приоритете интересов общества над интересами индивидуума, считая, что в принципе политическими правами отдельных индивидуумов можно пожертвовать ради высшего общественного блага, например, ради достижения устойчиво высоких темпов роста и социального равенства. По словам А. Сена, Ли Кван Ю, бывший премьер-министр Сингапура и горячий сторонник «азиатских ценностей», защищал авторитарную модель правления как раз на том основании, что она эффективна для достижения экономического успеха (Sen, 1997).

Так или иначе, даже защитники «азиатских ценностей» не ставят под сомнение самоценность демократии как одной из целей развития. Спор идет, скорее, о *цене* демократических ценностей, или, чтобы быть более точным, об относительной цене демократии в сравнении с другими целями развития. Эта относительная ценность, конечно, изменялась в ходе человеческой истории и пока не существует теории, чтобы объяснить почему и как это происходило. В настоящей работе мы обсуждаем не основополагающую философскую проблему о *цене* демократии, а более скромный вопрос об *издержках* демократии, а именно о существовании отрицательной зависимости между демократизацией и экономическим ростом. Традиционная мудрость на сегодняшний день, видимо, состоит в том, что такой отрицательной зависимости не существует, или даже, что демократия и рост взаимодополняют друг друга. В этом случае вопрос о *цене* демократии теряет актуальность, так как демократия оказывается и одной из целей развития, и средством достижения других целей развития. Однако, если отрицательная зависимость (tradeoff) между демократией и ростом существует, вопрос об относительной цене демократии приобретает вполне осязаемое и порой драматическое значение.

Целый ряд исследователей в последние годы выразили свое разочарование социально-политическими и экономическими итогами развития демократий «третьей волны» — стран, которые быстро демократизировались с 1974 года, включая и посткоммунистические страны. Т. Каротерс (Carothers, 2002)² подсчитал, что из почти 100 стран, которые с тех пор ушли от авторитаризма и пополнили ряды демократических, только 18 (10 стран Восточной Европы, вступившие и вступающие в ЕС; Аргентина, Бразилия, Мексика, Уругвай, Чили — в Латинской Америке; Южная Корея и Тайвань — в Восточной Азии; Гана — в Африке) «действительно находятся на пути к превращению в успешные и хорошо функционирующие демократии или, по крайней мере, добились прогресса в демократизации и сохраняют положительную динамику в этом процессе».

Ф. Закария (Zakaria, 1997) пишет о возникновении массового феномена «нелиберальных демократий» — стран, в которых введение конкурентных

² См. также статью Дж. Даймонда (Diamond, 2002) и последующее обсуждение в Journal of Democracy. Vol. 13. No. 3. July 2002.

выборов должностных лиц произошло прежде, чем возник правопорядок. В политологии демократический режим с сильными институтами (в котором выборные органы гарантируют гражданские свободы, в том числе и свободу от государственного произвола) называется не просто демократией, а либеральной демократией, причем прилагательное «либеральный» в этом словосочетании не менее важно, чем существительное «демократия». Либерализм означает гарантированность прав личности и экономических агентов таких, как права собственности и исполнения контрактов, права кредиторов и должников, права на защиту жизни и достоинства личности и на справедливое судебное разбирательство. Права эти, разумеется, могут быть обеспечены только сильными институтами, прежде всего государственными, ибо «частной собственности без государства не бывает». Демократия добавляет к этим правам еще несколько — право на свободу слова и печати, право избирать и быть избранным, и т. п. — важные, но не более важные, чем права, заключенные в понятии либерализма.

В соответствии с таким подходом Европа сначала стала либеральной и только потом — демократической. В XIX в. в европейских государствах права личности и фирм были в основном обеспечены, хотя демократическими эти страны назвать было никак нельзя: на рубеже веков более половины взрослого населения не имело право голоса из-за цензов оседлости и имущественных и других ограничений, а главное — потому, что женщины не допускались к голосованию. Первой европейской страной, где женщин допустили к избирательным урнам, стала Финляндия — в начале века это право было пожаловано лучшей половине населения тогдашней российской колонии не самым демократическим царским правительством. По тому же пути — от либерализма к демократии — шли (а некоторые все еще идут) и страны Восточной Азии, добившиеся в минувшие десятилетия впечатляющих экономических успехов.

Может быть, наиболее убедительный и красноречивый в данном контексте пример — Гонконг, где британские колониальные власти стали вводить зачатки демократии только накануне передачи территории Китаю (но так и не успели завершить дело), что, однако, не помешало Гонконгу превзойти свою метрополию — родину демократии — по уровню экономического развития. И тогда, при англичанах, и теперь, после передачи Гонконга Китаю, при коммунистическом правительстве, закон и порядок в Гонконге остаются на высоте, недостижимой для большинства стран мира, хотя демократии как не было, так и нет. Или другой пример — Гаити — одна из старейших демократий Латинской Америки, практикующая общенациональные выборы с начала XIX в.: с тех пор там мало правопорядка и много демократии — в итоге 30 переворотов за 200 лет, последний — в марте 2004 г. с вводом иностранных войск, чтобы остановить волну бандитизма.

В какой стране вы хотели бы жить, какого соседа хотели бы иметь? Приверженного законности, предсказуемого и стабильного, не слишком демократического, но уважающего права человека? Или же суперконкурент-

ную демократию, но без правопорядка, в которой царят хаос, безвластие и беспредел?

О Гонконге, где правопорядок обеспечен, хотя демократия только сейчас вводится, причем постепенно (как, кстати, и во всем Китае, где повсеместно проводятся выборы в деревнях), уже говорилось. А знаете ли вы про правопорядок в Аомыне (Макао), колониальном анклаве Португалии, переданном Китаю в 1999 г.? Еще до передачи Китаю уровень преступности, в том числе убийств, там пошел на убыль, так как оттуда уехали преступные кланы, контролировавшие игорный бизнес. Они не боялись португальских колониальных властей, но слишком хорошо знали, что при коммунистическом режиме им вольготной жизни не будет. Согласитесь, это довольно высокая оценка, выставленная правоохранительным органам КНР самим преступным миром, — при всех коррупционных скандалах в самом Китае Компартия все еще «ловит мышей» и сохраняет репутацию организации, с которой криминальному миру лучше не сталкиваться.

По другому пути — сначала демократия, потом либерализм — пошли страны Латинской Америки, а затем Африки. Для экономики демократия без либерализма, то есть без эффективных институтов, гарантирующих права экономических агентов, оказалась не слишком благоприятной средой — Африка и Латинская Америка в послевоенный период сдавали свои позиции в мировой экономике, отставая по темпам роста ВВП на душу населения. Именно тогда, в послевоенный период, произошло становление так называемых нелиберальных демократий как массового феномена (главным образом в Латинской Америке и в Африке, но в других регионах тоже — например, в Индии) — в основном демократических режимов, но не имеющих эффективных институтов для защиты либеральных прав.

В 90-е гг. к числу нелиберальных демократий добавились многие советские республики и страны Юго-Восточной Европы со схожими последствиями для экономического развития. Собственно говоря, страны Латинской Америки уже близки к созданию эффективных институтов, судя, например, по индексу доверия к органам государственной власти (который почти такой же, что в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке). А вот Африка и СНГ пока что весьма далеки, дальше, чем любые другие крупные регионы мировой экономики. В 90-е гг. только эти две группы стран продолжали удаляться от западных государств по уровню развития (ВВП на душу населения) и, похоже, эта тенденция сохранится, пока не будут созданы эффективные институты, способные превратить нелиберальные демократии в либеральные.

О зависимости экономического роста от демократии/авторитаризма написано немало статей (см. обзор в: Przeworski and Limongi, 1993; Афонцев, 1999; Przeworski, Alvarez, Cheibub, and Limongi, 2000; UNDP, 2002). Говорят, что в демократиях меньше инвестиции (из-за популистской политики увеличения потребления), что качество макроэкономической политики может быть низким из-за давления отраслевых лобби и прочих групп интересов. Порой утверждается, что авторитарные режимы могут лучше противосто-

ять популистским требованиям о перераспределении ресурсов, собственности и дохода, исходящих от населения с доходами ниже средних, которые во всех странах составляют большинство (Alesina, Rodrik, 1994).

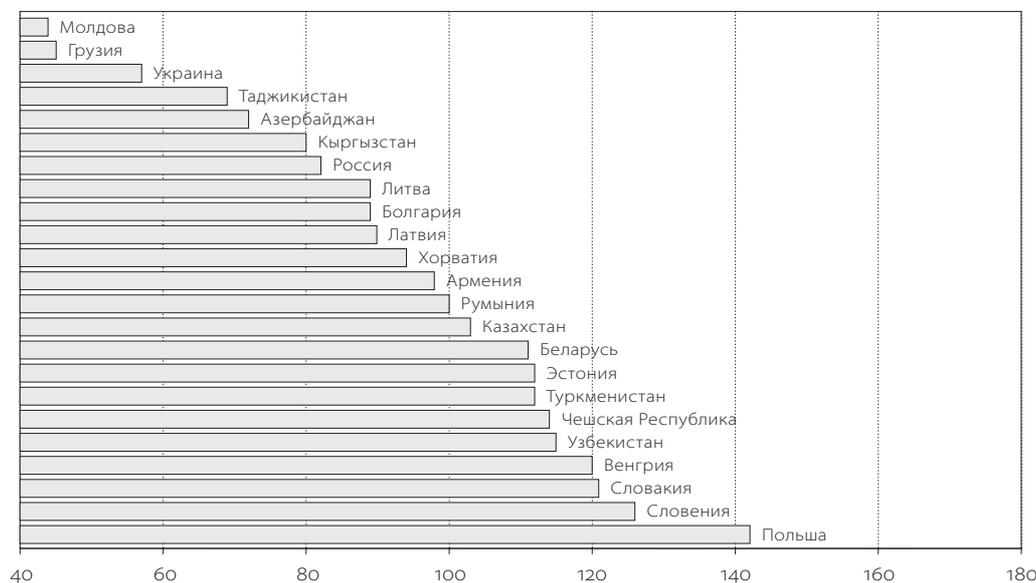
С другой стороны, автократии, конечно, могут хищнически относиться к использованию ресурсов, так как не существует контроля над самим автократом снизу; а демократии, напротив, могут избежать популистских мер, если конституционно закрепят процедуры голосования с квалифицированным большинством (скажем, 2/3) по наиболее важным вопросам перераспределения (Olson, 1991; 2000). А. Сен считал, что имеющиеся на сегодня сравнительные исследования не подтверждают наличия связи между демократией и ростом ни в одном, ни в другом направлении. Однако он полагал, что демократии более справедливо распределяют ограниченные ресурсы — все известные случаи массового голода произошли именно в авторитарных странах (Sen, 1999).³

Обзор 18 исследований о связи экономической динамики с демократией (Przeworski and Limongi, 1993) дает противоречивые результаты — единственная закономерность, которую можно заметить, состоит в том, что исследования, выполненные после 1987 г. находят положительную связь между демократией и ростом, тогда как исследования, выполненные в более ранний период, даже если и не отличаются по охвату стран и временных периодов, утверждают, что страны с авторитарными режимами растут быстрее. В отношении воздействия демократии на рост в переходных экономиках единого мнения тоже не существует. Есть работы, фиксирующие отрицательный начальный прямой эффект, который перекрывается затем последующим косвенным положительным эффектом, так как демократизация подталкивает экономическую либерализацию, а последняя ведет к росту (Fidrmuc, 2002). Напротив, другие авторы (Роров, 2000, 2005) выявляют положительное влияние на экономический рост только правопорядка, а при контроле воздействие демократизации и даже экономической либерализации на правопорядок становится отрицательным. Пример авторитарных Китая и Вьетнама, в которых вообще не было трансформационного спада и которые добились самого быстрого роста среди всех посткоммунистических стран, конечно, весьма показателен. Так же как и список лидеров по динамике ВВП на пространстве бывшего СССР: Узбекистан, Туркменистан, Беларусь, Эстония, Казахстан — демократическая Эстония оказывается в не вполне демократической компании (рис. 1). Не так просто и объяснить, почему авторитарная Беларусь, не имеющая нефти и газа, демонстрирует лучшую экономическую динамику, чем демократическая и богатая ресурсами Россия.

Ряд работ проводит различие между молодыми и зрелыми демократиями. Показано, например, что обеспеченность прав контрактов и собственности

³ М. Элман оспаривал это утверждение указывая, что в авторитарном СССР голода не было с 1947 г., а демократический Судан в 1985–1989 гг. пережил голод (Elman, 2000). Сен указывал на еще одно исключение — голод в Ирландии в 40-е гг. XIX века, но объяснял это тем, что Англия рассматривала Ирландию в это время как колонию (Sen, 1997).

Рисунок 1. ВВП в 2004 г. в процентах к 1989 г.

сильно зависит от возраста демократии (Clague et al., 1996. P. 1). Политические циклы (рост государственных расходов и монетарная экспансия накануне выборов, чтобы взбодрить экономику) оказываются наиболее выраженными и поэтому наиболее разрушительными именно в незрелых демократиях (Akhmedov and Zhuravskaya, 2004).

Есть работы, использующие индексы демократии, отличающиеся от индекса политических прав Freedom House, например индекс Гастила (Gastil, 1989), который включает в себя не только демократические права, но и права собственности, права свободного распоряжения ресурсами и проч. В одной из работ, использующей этот индекс, выявляется положительная связь между демократией и ростом (Nelson and Singh, 1998). Однако мы стараемся выявить воздействие на экономический рост именно правопорядка и демократизации отдельно, а не вместе.

Доклад о человеческом развитии за 2002 г. был специально посвящен теме демократии. В нем утверждалось, в частности, что отрицательной зависимости между демократией и экономическим ростом не существует и что демократия способствует стабильности и равномерности экономического и социального развития (UNDP, 2002). Д. Родрик тоже не находит зависимости между демократией и ростом после учета таких факторов, воздействующих на рост, как начальный уровень дохода, уровень образования и качество государственных институтов (Rodrik, 1997). Однако он предоставляет доказательства, что демократии имеют более предсказуемые долгосрочные темпы экономического роста, справляются с неблагоприятными шоками лучше, чем автократии и выплачивают более высокие зарплаты (то есть,

направляют меньшую долю дохода на инвестиции). Эти выводы во многом соответствуют заключениям другой работы (Przeworski et al., 2000), которая тоже не находит разницы в долгосрочных темпах роста между демократиями и автократиями, но фиксирует меньшую волатильность темпов роста в демократических государствах (меньше «экономических чудес», но и меньше очевидных провалов), более высокую долю зарплаты в добавленной стоимости и более низкую долю инвестиций в ВВП⁴.

Известный специалист в теории роста Р. Бэрроу (Barro, 1996) заключает, что суммарный эффект демократии на экономический рост можно охарактеризовать как «слабо отрицательный... Наиболее благоприятен для роста средний уровень демократии, затем — низкий уровень и затем — высокий». В другой работе он пишет: «мысль о том, что демократия — в смысле избирательных прав — необходима для экономического роста, также неверна, как утверждение, что бедным странам непременно нужна диктатура, чтобы вырваться из бедности... Для страны со слабыми институтами — слабой демократией и нехваткой правопорядка — развитие демократии менее важно, чем укрепление правопорядка для стимулирования роста и инвестиций. Вдобавок, демократия, похоже, не оказывает существенного прямого воздействия на укрепление правопорядка. Так что нельзя утверждать, что демократия является ключевым условием роста, поскольку она необходима для правопорядка» (Barro, 2000. P. 47). Бэрроу также показывает, что при контроле на уровень развития демократия не связана с уровнем правопорядка ни положительно, ни отрицательно (Barro, 1999. P. 174). В соответствии с таким подходом исследователи китайского «экономического чуда» объясняют быстрый рост в 80–90-е гг. именно эффективностью госинститутов, а не демократией (Liew, 2001).

В настоящей работе, в отличие от других работ, мы, во-первых, рассматриваем не только уровень демократии, но и прирост этого уровня, то есть процесс демократизации в 70–90-х гг. прошлого века, измеряемый индексами политических прав, публикуемых Freedom House. Во-вторых, мы проводим различие между демократией и правопорядком, то есть порядком, основанном на законах и правилах, устанавливаемых властями; правопорядок измеряется индексами правопорядка, индексами инвестиционного климата (риска) и индексами коррупции. Проверяются две взаимосвязанные гипотезы: 1) в странах с сильным правопорядком демократизация стимулирует экономический рост, а в странах со слабым правопорядком демократизация отрицательно влияет на рост; 2) демократизация в условиях слабого правопорядка ведет к возникновению так называемых нелиберальных демократий — в таких странах теневая экономика расширяется, институциональный потенциал государства слабеет, качество макроэкономической политики ухудшается.

4 Один из наиболее труднообъяснимых выводов работы — в демократиях уровень рождаемости и смертности ниже, а продолжительность жизни выше, чем в автократиях со схожим ВВП на душу населения (Przeworski et al., 2000). Наши исследования, однако, свидетельствуют, что демократия при слабом правопорядке отрицательно влияет на продолжительность жизни (Porov, 2006).

2. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ, ПРАВОПОРЯДОК И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: КАНАЛЫ ВЛИЯНИЯ

В настоящей работе мы используем узкое определение демократии — конкурентные выборы и перевыборы главных чиновников. В данном определении понятие демократии включает такие права, как право избирать и быть избранным, право формирования политических партий, право агитации и собраний. Другие права, обычно связываемые с понятием демократия, такие, как свобода слова и печати, защита от дискриминации по этническому, расовому, религиозному и другим признакам, могут быть в принципе обеспечены и авторитарными режимами (Гонконг, Европа XIX в.), не говоря уже о правах собственности и контрактов, праве на справедливое разбирательство конфликтов в независимом суде и др. Демократия обычно противопоставляется авторитарным режимам, в которых право принятия решений принадлежит автократу или узкой группе высших должностных лиц. Во многих случаях автократия хищнически использует ресурсы («grabbing hands» — Frye, Shleifer, 1997), коррумпирована и раздает должности наиболее лояльным, а не способным чиновникам, так что стимулировать экономический рост трудно даже при наличии желания автократа. Однако есть множество противоположных примеров относительно «чистых» автократий (Гонконг, Тайвань, Сингапур, Южная Корея в разные периоды), которые проводили разумную экономическую политику и добивались значительных успехов в экономическом и социальном развитии.

Считается, что демократия облегчает процесс выработки и проведения разумной экономической политики, стимулирующей рост, через лучший отбор профессиональных чиновников, контроль за бюрократией и своевременную замену должностных лиц. Говорят также, что демократия нужна для укрепления правопорядка, искоренения коррупции и улучшения качества институтов. Однако это распространенное мнение основано прежде всего на логических доводах и опыте развитых стран.

Общепризнано, что определенный уровень богатства, образования и развития гражданского общества являются необходимыми предпосылками эффективной демократии. Фактически это означает, что демократия может рассматриваться как «предмет роскоши», спрос на который возникает только тогда, когда появляется состоятельный покупатель⁵. Есть и другие непрелюбимые условия, например, такие, как сильный правопорядок. Быстрая демократизация, как и всякий новый политический порядок, создает массу возможностей для злоупотреблений и извлечения ренты — эта перераспределительная активность может испортить институты и ввергнуть демократию в состояние хаоса, если только порядок не основывается на законе⁶.

5 Note that in a recent paper by Acemoglu et al (2005) does not find any causal effect of income on democracy.

6 Другой вопрос — какие условия приводят к возникновению демократий, независимо от того, эффективны они или нет с экономической и социальной точки зрения. Different question concerns the determinants of democracy independently on its efficiency.

Другой механизм подрыва институтов при быстрой демократизации в отсутствие правопорядка может быть вкратце описан следующим образом. Граждане получают право голоса, которое они ценят очень низко (в сравнении с другими благами) и продают это право организованным политическим группам (возможно, неявно — т. е. голосуя за тех, кто больше других вкладывает в рекламу). Если правопорядок слаб, то выгода для политических организаций от такой манипуляции голосами избирателей очевидна.

В таких условиях демократия становится рыночной продажей голосов, парламентарии отражают интересы лоббистов, должности и решения покупаются и продаются, как товары на рынке. Коррупция расцветает, качество (эффективность) институтов снижается, экономический рост замедляется.

На рис. 2 представлены основные каналы влияния демократизации при слабом правопорядке на экономический рост⁷. В слабых (нелиберальных) демократиях возникают и слабые правительства, подтвержденные давлением лоббистских организаций и популистских групп; чиновники и законодатели становятся продажными и легко управляемыми. Вдобавок, слабые правительства не могут проводить в жизнь законы и предписания, в частности, ограничить рост теневой экономики и собрать достаточное количество налогов для финансирования общественных благ — в результате им приходится чаще прибегать к инфляционному финансированию и займам. Все это отрицательно сказывается на темпах роста, продолжительности жизни, социальном равенстве и ведет к увеличению преступности (Przeworski et al., 2000).

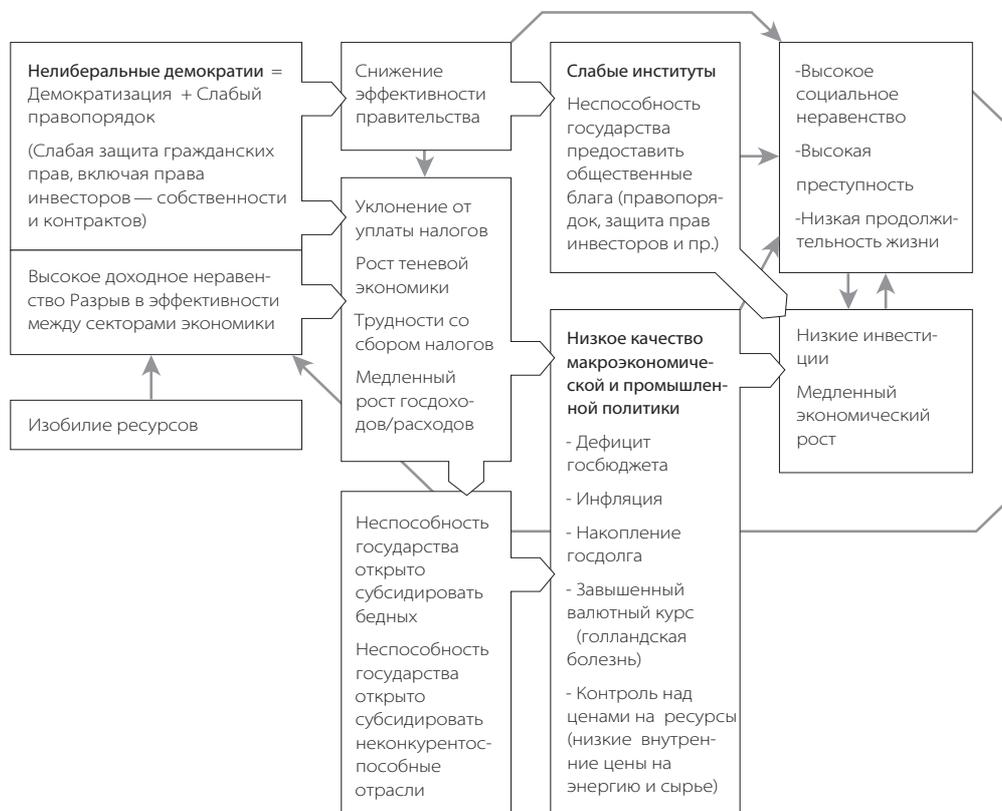
Для эффективности государственных институтов в общем-то безразлично, поддерживается ли она авторитарным или демократическим режимом: и те, и другие доказали свою принципиальную способность обеспечивать благоприятную институциональную среду для экономических реформ. В то же время известно, что в странах без прочных демократических традиций переход от авторитаризма к демократии сопровождается обычно снижением эффективности институтов: для создания новых, отсутствовавших прежде демократических институтов нужно время, так что переходный период, когда старые авторитарные институты уже разрушены, а новые еще не сложились, оказывается самым институционально необеспеченным.

Иначе говоря, демократизация без обеспечения законности и правопорядка на деле, нравится нам это или нет, плохо сказывается на экономи-

Бэрроу заключает, что вероятность перехода к демократии возрастает по мере роста подушевого ВВП, уровня образования, доли среднего класса в совокупном доходе и нересурсной продукции в производстве и экспорте (Вагго, 1999). Другие авторы показывают, что любая страна, даже очень бедная, может стать демократической, но чтобы остаться таковой, надо обладать определенным уровнем дохода и другими характеристиками (Przeworski et al., 2000).

⁷ Мы пытаемся проверить с помощью эконометрических расчетов наличие всех зависимостей, показанных на рис. 2, в работе (Polterovich, Popov, 2005).

Рис. 2. Экономические и социальные издержки нелиберальных демократий

ческой динамике, а иногда даже ведет к спаду производства. Это та цена, которую приходится платить за раннюю политическую демократизацию, то есть за введение процедуры демократических выборов в то время, когда основные либеральные права в обществе еще не утвердились. Если разбить страны на группы по степени обеспечения правопорядка (такие индексы рассчитываются Мировым банком) и по уровню демократии (есть и такой показатель, рассчитываемый Freedom House), то наихудшая экономическая динамика наблюдается в странах с неудачным сочетанием слабого правопорядка и относительно высокого уровня демократии. Авторитарные режимы со слабым правопорядком в среднем случае тоже не слишком хороши для экономики, но все же лучше, чем демократические: видимо, они могут компенсировать нехватку закона избытком порядка, то есть заполнить институциональный вакуум авторитарными методами.

Статистические расчеты свидетельствуют — демократизация в мире в последние 30 лет вела к повышению темпов роста только в тех странах, где правопорядок был на уровне; напротив, в странах со слабым правопорядком

демократизация приводила к замедлению роста госрасходов и снижению эффективности госаппарата, к увеличению теневой экономики, повышению бюджетного дефицита и инфляции и в конце концов к снижению темпов экономического роста и продолжительности жизни.

3. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ — ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

3.1. Обозначения и источники данных

Все показатели взяты из базы данных Всемирного банка — World Development Indicators, если специально не оговаривается. Эта база содержит данные о более чем 200 странах за 1975–1999 гг. Для оценки качества институтов используются: (1) индекс правопорядка в 2000 г. (World Bank 2002; Kaufmann, Daniel, Kraay, Aart, and Zoido-Lobaton Pablo, 1999), он основан на мнениях экспертов и опросах резидентов; (2) индекс восприятия коррупции *CPI* (Corruption Perception Index) за 1980–1985 гг., исчисляемый агентством Transparency International; (3) индекс инвестиционного климата *IC* за 1984–1990 гг. (Investment Climate Index. The International Country Risk Guide. World Bank, 2001). Институциональные индексы за 1980-е гг. доступны для 53 стран (*CPI*) и 123 стран (*IC*). Кроме того, базе данных Всемирного банка имеются пропуски, что ограничивает возможности расчетов.

В исследовании использовалась описательная статистика для «новых демократий» — стран, в которых индекс политических прав Freedom House увеличился по крайней мере на 1,5 пункта с 1972–75 по 1999–2002 гг. Если сравнить их средние показатели с другими странами, не учитывая различия в подушевых доходах и других факторах, определяющих темпы роста, сравнение оказывается далеко не в пользу недавно демократизировавшихся стран. Рост ВВП на душу населения в 1975–99 гг. в «новых демократиях» медленнее, чем в других странах, рост госдоходов в % к ВВП тоже медленнее, индекс эффективности правительства ниже, теневая экономика больше, дефициты госбюджетов и инфляция выше, валютные резервы меньше и медленнее растут. Только по увеличению продолжительности жизни «новые демократии» в развивающихся (но не в посткоммунистических) странах смотрятся несколько лучше, чем другие (7,6 и 7,0 лет соответственно), но при учете других факторов, воздействующих на продолжительность жизни, результат оказывается иным (Роров, 2006).

3.2. Темпы роста и демократизация — регрессии

Как уже говорилось, в отличие от других исследований, мы рассматриваем не только уровень демократии, но также и прирост этого уровня, то есть процесс демократизации. Данные, собранные Freedom House с 1972 г. для более 180 стран позволяют оценить воздействие демократизации на экономический рост. Получается, что это воздействие различно для более разви-

тых и менее развитых стран, а точнее, для стран с высоким и низким правопорядком — для первых эффект положителен, для вторых — отрицателен.

Уравнение регрессии темпов экономического роста (y) от (Δ) — прироста индекса демократии в 1972/75 — 1999/2002 гг. — и индекса правопорядка в 2000 г. (RL) выглядит следующим образом:

$$y = \text{CONST.} + \text{CONTR. VAR.} + 0.18\Delta(RL - 0,72) \quad (1)$$

Пороговый уровень индекса правопорядка здесь составляет 0,72 — это чуть выше, чем в Чехии, Иордании, Уругвае, на Мальте, и чуть ниже, чем на Кипре, в Эстонии, Словении, Венгрии, Тунисе. Если этот индекс выше порогового уровня, демократизация оказывает положительное воздействие на экономический рост, если ниже — отрицательное⁸. Иначе говоря, получается, что только страны, достигшие определенного уровня правопорядка, смогли выиграть от демократизации в смысле ускорения экономического роста.

Недостаток уравнения (1) состоит в том, что в правой части стоит индекс правопорядка на 2000 г., который характеризует качество институтов не в начале периода роста, а в самом конце. Этот показатель является результатом экономического роста — логично предположить, что строить институты легче там, где экономика растет, а не стагнирует, и, следовательно, мы имеем дело с эндогенностью. Поэтому мы воспользовались двумя другими индексами, характеризующими качество институтов в более ранний период — индексом коррупции (CPI) за 1980–1985 гг. для 53 стран и индексом инвестиционного климата (IC) за 1984–1990 гг. для 123 стран. Индекс коррупции изменяется в пределах от 0 до 10. Он тем ниже, чем выше коррупция, так что фактически это индекс коррупции, а не чистоты. Для Советского Союза и Китая начала 80-х гг. индекс находится на уровне 5–6 — это примерно середина списка, между развитыми и развивающимися странами, что соответствует интуиции.

Первое уравнение может быть представлено так:

$$y = \text{CONST.} + \text{CONTR. VAR.} + 0.0729 \Delta (CPI - 6,65), \quad (2)$$

где CPI — среднегодовой индекс коррупции за 1980–1985 гг.

Если индекс коррупции был выше 6,65 (примерный уровень Чили, Малайзии, Испании в начале 80-х гг.), демократизация оказывала положительное влияние на рост, если ниже — отрицательное. Добавление инвестиций (доли инвестиций в ВВП) в качестве одной из контрольных переменных не подрыгает значимости показателя демократизации, хотя уровень порога меняется (7,8 — уровень Японии), а коэффициент при демократизации снижается, показывая что воздействие демократизации на рост частично (но только частично) происходит через изменение доли инвестиций в ВВП (другой

⁸ Интересно, что при включении в регрессию (1) переменных экономической политики (инфляция, таможенные пошлины, увеличение валютных резервов, рост госдоходов) результаты сохраняются.

канал воздействия демократизации на рост — через изменение эффективности самих инвестиций).

Еще одна возможная проблема с эндогенностью — обратное влияние экономического роста на демократизацию. Чтобы полностью учесть эту возможную эндогенность в уравнении (2) мы попробовали инструментировать показатель демократизации и интерактивный член (произведение демократизации на коррупцию) с помощью трех вспомогательных переменных — начального уровня демократии в 1972–1975 гг., D , дамми-переменной, характеризующей членство в Организации исламской конференции, I_s , и доли импорта топлива и энергии в общем импорте в 1960–1975, FI (показатель, призванный учесть фактор «ресурсного проклятия»). Эти переменные слабо коррелированы с экономическим ростом (коэффициенты корреляции равны -0,3, -0,16, и 0,2 соответственно), но объясняют существенную часть демократизации:

$$\Delta = 3,16 + 0,487D - 1,23I_s + 0,014FI \quad (3)$$

Чтобы проверить устойчивость порогового уравнения, мы воспользовались еще одним индексом, характеризующим качество институтов, IC — индекс инвестиционного климата (изменяется от 0 до 100 %, чем он выше, тем лучше климат), наиболее ранние значения которого имеются на 1984–1990 гг. Результаты регрессионного анализа представлены уравнением (4):

$$y = 0,883 - 0,0004Y + 0,122I - 0,559n + 0,016\Delta (IC - 61,31), \quad (4)$$

где Y — ВВП на душу населения по ППС в 1975 г.;

I — доля инвестиций в ВВП в 1975–1999 гг.;

n — среднегодовые темпы роста населения в 1975–99 гг.

В соответствии с этой регрессией пороговый уровень инвестиционного климата (IC) равен 61,3 % — это примерно соответствует уровню Албании, Колумбии, Индии в 1984–1990 гг. Демократизация, таким образом, положительно влияла на рост только в странах с уровнем инвестиционного климата выше порогового, а в других странах ее влияние было отрицательным. Включение показателя инвестиционного климата, IC , вместе с показателем демократизации, Δ , и интерактивным членом, $IC\Delta$, в правую часть уравнения приводит к тому, что коэффициенты при всех трех переменных оказываются незначимыми.

Таким образом, гипотеза о существовании порогового значения институциональных показателей (до достижения порога демократизация замедляет рост, а после — ускоряет) подтверждается при использовании индекса коррупции в качестве характеристики качества институтов и отчасти — при использовании индекса инвестиционного климата (здесь результат не так устойчив). Работа с данными, однако, убедила нас, что альтернативой пороговой гипотезе является не положительная зависимость экономического роста от демократизации, а отрицательная — ни в одной из альтернативных регрессий коэффициент при демократизации не приобретает положительного знака.

4. ВЫВОДЫ

Видимо, есть несколько причин, по которым многочисленные исследования о воздействии демократии на экономический рост дают разные и даже противоречивые результаты. Во-первых, в прежних работах обсуждалось воздействие уровня демократии, а не прироста этого уровня. Наши регрессии показывают, что воздействие начального уровня демократии на рост часто положительно или незначимо, но воздействие демократизации (прироста уровня демократии) почти всегда отрицательно и значимо.

Во-вторых, и это, вероятно, самое важное, во многих работах не проводится строгого различия между правопорядком (защита всех гражданских прав, исключая политические) и демократией (гарантии политических прав). В данной работе мы пытались разделить эти два понятия и проконтролировать правопорядок, то есть сравнить эффекты демократизации в странах с разной способностью правительств поддерживать порядок, опираясь не на волю диктатора, а на свод законов, установленных правил и традиций. Получилось, что в странах с хорошим качеством институтов (низкой коррупцией, высоким уровнем правопорядка и инвестиционного климата) демократизация благотворно воздействует на институциональное строительство и экономический рост, а в странах со слабыми институтами демократизация ведет к их дальнейшему ослаблению и подрывает рост.

Практические выводы из проведенного анализа, наверное, можно сформулировать так. Быстрое введение демократии в авторитарных странах со слабым правопорядком путем «шокотерапии» может быть сопряжено со множеством отрицательных экономических и социальных последствий⁹. Демократизация, то есть переход к демократии от автократии, так же как и рыночные реформы, должна быть постепенной и идти рука об руку с укреплением правопорядка. Демократия, участие широких масс в процессе принятия решений, развитие гражданского общества — это важные самоценные идеалы развития, но они могут быть легко скомпрометированы, если их реализация приводит к ослаблению институтов, замедлению экономического роста, увеличению социального неравенства и преступности. Вопрос крайне актуален для Китая и многих других автократий, уже постепенно внедряющих выборные механизмы и стоящих на пороге полной демократизации: какой должна быть скорость и последовательность демократических реформ, чтобы их отрицательные последствия оказались минимальными.

И еще одно соображение против «внедрения демократии любой ценой». Система приоритетов или, если хотите, жизненных ценностей в странах с разными уровнями развития различна. Люди по всему миру ценят не только материальное благополучие, но и социальное равенство и справед-

9 В недавнем исследовании политических реформ в арабском мире Д. Блумберг писал: «Нам далеко не ясно, как реформировать либерализованные автократии... Поощрение быстрых изменений, например, введение полностью конкурентных выборов, может привести к победе радикалов и даже к возвращению к полной автократии» (Brumberg, 2003).

ливость, безопасность, чистоту окружающей среды, возможность дожить до глубокой старости и многое другое, но вот относительная ценность этих показателей благополучия различна. На что потратить неожиданно появившийся дополнительный миллиард долларов в государственном бюджете — на защиту животных, на снижение детской смертности или на борьбу с преступностью? Ответ будет различным в Колумбии и в США, как и будет различным ответ об относительной ценности демократии. Нужно ли говорить, что в бедной стране с низкой продолжительностью жизни и высокой преступностью избиратели, скорее всего, поддержат программу ускорения экономического роста, сокращения смертности и наведения порядка, даже если это и связано с ограничениями демократии — примеров такого рода голосования более чем достаточно от Пакистана до России.

Бескомпромиссные сторонники демократии во что бы то ни стало, конечно, скажут в ответ, что демократизация не только цель, но и средство, помогающее достичь других целей развития, таких, как продолжительность жизни, социальное равенство, низкая преступность. Действительно, разве не ведет демократизация к установлению строгого контроля над деятельностью чиновников, к снижению коррупции, к повышению эффективности правительства и к более равномерному распределению доходов? Правильно, ведет, но лишь при одном неременном условии — при установившемся правопорядке, при обеспечении всех других прав и свобод личности, помимо демократических. А в странах со слабым правопорядком (а таких среди развивающихся абсолютное большинство) демократизация, как это ни неприятно, сопровождается усилением коррупции, снижением эффективности госинститутов, увеличением теневой экономики, ухудшением качества макроэкономической политики (высокие бюджетные дефициты и инфляция) и, как следствие, ростом преступности и социального неравенства и сокращением продолжительности жизни. Статистические подтверждения этому есть, да и отдельные примеры у всех на виду: Кыргызстан в середине 90-х гг. был одной из самых демократических стран на постсоветском пространстве, его фактически поместили на доску почета в МВФ и “Freedom House” и первым из бывших советских республик, даже раньше Эстонии, приняли в ВТО в 1998 г. В итоге коррупция расцвела, как нигде, социальное неравенство и преступность возросли, чуть ли не половина национальной экономики или, точнее, того, что от нее осталось, перешла в руки “семьи”, и дело в итоге в 2005 г. закончилось очередной “революцией”.

Рискнем поэтому заключить, что кратчайший путь к полноценной либеральной демократии в странах с низким уровнем правопорядка, в том числе и в России, лежит не через немедленную демократизацию «любой ценой», а через укрепление правопорядка. Немедленная повсеместная выборность чиновников при низком правопорядке ведет только к «приватизации» самих демократических процедур, к покупке — продаже услуг чиновников на политическом рынке, при которой выигрывает, разумеется, крупный бизнес, а основная часть рядовых избирателей напрочь отстраняется от влияния на политические решения.

России более всего нужно сейчас укрепление правопорядка. Демократия тоже нужна, но только потом, когда установится правопорядок. Да, конечно, есть опасность, что власть всех вертикально построит и централизует только для того, чтобы ликвидировать оппозицию и чтобы самой спокойно и хорошо пожить за наш с вами счет, а то еще и пуститься в авантюры. Тем более, что с нами это уже и раньше случалось. Но из двух опасностей надо выбирать наименьшую. Шанс на укрепление правопорядка есть только при централизации. А без централизации шанса вообще нет, так что хаос и беспредел будут обеспечены со стопроцентной гарантией.

ЛИТЕРАТУРА

- Афонцев, С. (1999). Экономическая трансформация в зеркале политико-экономического анализа. — *Россия XXI*, 1999, No. 3, с. 49–83.
- Полтерович, В., В. Попов. Стадии развития и экономический рост. — *Вопросы экономики*, №7, 8, 2006 г.
- Aaron, J. (2000). Growth and Institutions: A Review of the Evidence. *The World Bank Research Observer*, v.15, No.1, 99–135.
- Acemoglu, A., Johnson, S., and J. Robinson. (2004). Institutions as the fundamental cause of long-run growth. NBER Working paper series, Working Paper 10481.
- Acemoglu, A., Johnson, S., Robinson, J., and P. Yared (2005). Income and Democracy. MIT, Working paper 05–05, February, 35 pp.
- Akhmedov, A., and E. Zhuravskaya (2004). Opportunistic Political Cycles: Test in a Young Democracy Setting. — *Quarterly Journal of Economics*, November 2004, 1301–1338.
- Alesina, A. and Rodrik, D. (1994). Distributive Politics and Economic Growth. — *Quarterly Journal of Economics*, 1994, May, Vol. 109, No.2, pp. 465–90.
- Barro (1996). Democracy and Growth. *Journal of Economic Growth*, Vol.1, 3–27.
- Barro (1999). Determinants of Democracy. *Journal of Political Economy*, 1999, Vol. 107, No.6, 158–183.
- Barro R. (2000). Rule of Law, Democracy, and Economic Performance. Index of Economic Freedom, Ch.2, 31–49 (http://www.heritage.org/research/features/index/ChapterPDFs/2000_Chapter_2.pdf).
- Brumberg, D. (2003). Liberalization Versus Democracy. Understanding Arab Political Reform. Carnegie Endowment for International Peace, Working paper No. 37.
- Campos, N. (1999). "Back to the Future: The Growth Prospects of Transition Economies Reconsidered". William Davidson Institute Working Paper No. 229, Ann Arbor, April 1999.
- Carothers, Thomas (2002). The End of the Transition Paradigm. — *Journal of Democracy*, Jan. 2002, pp.5–21.
- Chang, H.-J. (2002). Kicking Away the Ladder. Cambridge University Press.
- Cheung, S. (1998). The Curse of Democracy as an Instrument of Reform in Collapsed Communist Societies". *Contemporary Economic Policy*, Vol.16, No.2, April 1998 pp.247–249.
- Dethier, Jean-Jacques, Ghanem, Hafez, Zoli, Edda. Does Democracy Facilitate the Economic Transition? World Bank, 1999.
- Clague, Ch., Keefer, Ph., Knack, St., and M. Olson (1996). Property and Contract Rights in Autocracies and Democracies. *Journal of Economic Growth*, Vol.1, (June), 243–276.
- Diamond, Larry (1997a). Is the Third Wave of Democratization Over? An Empirical Assessment, Helen Kellogg Institute for International Studies Working Paper no. 236 (University of Notre Dame, March).
- Diamond, Larry (1997b). Is the Third Wave of Democratization Over? The Imperative of Consolidation. Working Paper #237 March 1997
- Dornbush, Rudiger and Edwards, Sebastian (1989). The Economic Populism Paradigm. NBER Working Paper 2986, Cambridge, Mass., 1989.
- EBRD (1997). Transition Report 1997. EBRD, London, 1997.
- EBRD (1998). Transition Report 1997. EBRD, London, 1998.

- EBRD (1999). Transition Report 1999. EBRD, London, 1999.
- (EBRD, 2005). Transition Report 1999. EBRD, London, 2005.
- Ellman, Michael (2000). The 1947 Soviet Famine and the Entitlement Approach to Famines.— *Cambridge Journal of Economics*, 2000, Vol. 24, pp. 603–30.
- Fernandez, Raquel, and Rodrik, Dani (1991). Resistance to Reform: Status Quo Bias in the Presence of Individual Specific Uncertainty.— *American Economic Review*, 1991, Vol. 81 (5), 1146–1155.
- Fidrmuc, Jan (1998). Political Support for Reforms: Economics of Voting in Transition Countries.— *European Economic Review*, 44 (8), 2000, pp. 1491–1513.
- Fidrmuc, Jan (2002). Economic Reform, Democracy and Growth during Post-communist Transition. CEPR Discussion Paper No. 2759, 2002.
- Freedom House (<http://www.freedomhouse.org/index.htm>)
- Friedman, Eric J., Johnson, Simon, Kaufmann, Daniel, Zoido-Lobaton, Pablo (1999). Dodging the Grabbing Hand: The Determinants of Unofficial Activity in 69 Countries.— Fifth Nobel Symposium in Economics. Stockholm, September 10–12, 1999
- (<http://web.mit.edu/sjohnson/www/attach/Dodging%20the%20Grabbing%20Hand%20August%201999.pdf>).
- Frye, T. & Shleifer, A. (May 1997). The Invisible Hand and The Grabbing Hand, *American Economic Review*, pp. 354–358.
- Gastil, R. D. (1989). Freedom in the World: political Rights and Civil liberties, 1988–89. New York, Freedom House.
- Hellman, Joel, Jones, Geraint, and Kaufmann, Daniel (2000). How Profitable Is Buying the State Officials in Transition Economies? — *Transition. The Newsletter About Reforming Economies*, April 2000, p.8–11.
- Holmes, S. (1997). What Russia Teaches Us Now.— *The American Prospect*, July-August, 1997, p.30–39.
- Intriligator, M. D. (1998). Democracy in Reforming Collapsed Communist Economies: Blessing or Curse? — *Contemporary Economic Policy* Vol.16, No.2, April 1998, pp.241–246.
- Kaufmann, Daniel, Kraay, Aart, and Zoido-Lobaton Pablo (1999). Governance Matters. World bank Policy Research Working Paper 2196 (<http://www.worldbank.org/wbi/governance/pdf/govmatrs.pdf>).
- Kaufman, Robert R. and Stallings, Barbara (1991). The Political Economy of Latin American Populism.— In: Macroeconomics of Populism in Latin America. Ed. By R. Dornbush and S. Edwards. Chicago and London, 1991.
- Knott, J. H., G.J. Miller (1987). Reforming Bureaucracy. The Politics of Institutional Choice. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, New Jersey. 290 pp.
- Liew, Leong. Marketization, Democracy and Economic Growth in China.— In: *Beyond the Asian Crisis: Pathways To Sustainable Growth*. Ed. By A. Chowdhury, I. Islam. Northampton, MA, Edward Elgar, 2001, pp. 300–23.
- Naughton, Barry (1997). Economic Reform in China. Macroeconomic and Overall Performance.— In: *The System Transformation of the Transition Economies: Europe, Asia and North Korea*. Ed. by D. Lee. Yonsei University Press, Seoul, 1997.
- Nelson, Michael A., Ram D. Singh (1998). Democracy, Economic Freedom, Fiscal Policy, and Growth in LDCs: A Fresh Look.— *Economic Development and Cultural Change*, July 1998, Vol. 46, No. 4, pp. 677–96.
- Olson, Mancur (1991). Autocracy, Democracy and Prosperity.— In: Zeckhauser, Richard J. Strategy and Choice, Cambridge, MIT Press, 1991, pp. 131–57.
- Olson, Mancur (2000). Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. Basic Books, 2000.
- Polterovich, Victor (1998). Institutional Traps and Economic Reforms. Working Paper # 98/004. New Economic School, Moscow, 1998.
- Polterovich, Victor (2002). Political Culture and Transformational Recession. A Comment on the article by A. Hillman “En Route to the Promised Land” — *Economics and Mathematical Methods*, 2002 (in Russian).
- Polterovich, Victor, V. Popov (2002). Accumulation of Foreign Exchange Reserves and Long Term Economic Growth. Paper presented at 10th NES Anniversary conference. Moscow, December 2002 (<http://www.nes.ru/english/about/10th-Anniversary/papers-pdf/Popov-Polterovich.pdf> and <http://www.nes.ru/english/about/10th-Anniversary/papers-pdf/Popov-charts.pdf>).
- Polterovich, V., V. Popov. Appropriate Economic Policies at Different Stages of Development. NES, 2004 (<http://www.nes.ru/english/research/pdf/2005/PopovPolterovich.doc>). The updated version: <http://www.wider.unu.edu/conference/conference-2005-3/conference-2005-3.htm>.

- Polterovich, Victor, V. Popov (2005). Democratization, Quality of Institutions, and Economic Growth (<http://www.nes.ru/~vpopov/documents/Democracy.pdf>)
- Popov, Vladimir (2000). Shock Therapy versus Gradualism: The End of the Debate (Explaining the magnitude of the Transformational Recession).— *Comparative Economic Studies*, Vol. 42, No.1, Spring 2000.
- Popov, V. (2005). Shock Therapy versus Gradualism Reconsidered: Lessons from Transition Economies after 15 Years of Reforms. TIGER Working paper No. 82, 2006 (<http://www.tiger.edu.pl/publikacje/TWPN082.pdf> and http://ctool.gdnet.org/conf_docs/Popov_Paper_Parallel_Session23.doc).
- Popov, V. (2006). Political Economy of Government Responses to Mortality Crises. Mimeo.
- Przeworski, Adam and Limongi, Fernando (1993). Political Regimes and Economic Growth.— *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 7, No. 3, Summer 1993, pp. 51–69.
- Przeworski, Adam, Michael E. Alvarez, José Antonio Cheibub, and Fernando Limongi (2000). *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. Cambridge University Press, 2000.
- Rawls, John (1971). *A Theory of Justice*. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press, 1971.
- Rodrik, Dani (1995). Understanding Economic Policy Reform.— *Journal of Economic Literature*, 1995, Vol. 34, 9–41.
- Rodrik, Dani (1996a). Why Do More Open Economies Have Bigger Governments? NBER working paper 5537. April 1996 (<http://www.nber.org/papers/w5537>).
- Rodrik, Dani (1996b). Institutions and Economic Performance in East and South East Asia. In *Round Table Conference: The Institutional Foundations of Economic Development in East Asia*. Tokyo, December 1996, pp. 391–429.
- Rodrik, Dani (1997). December 1997. Democracy and Economic Performance. A paper for a conference in South Africa (<http://ksghome.harvard.edu/~drodrik.academic.ksg/demoecon.PDF>).
- Rodrik, Dani, Arvind Subramanian and Francesco Trebbi (2002). Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development. October 2002 (<http://ksghome.harvard.edu/~drodrik.academic.ksg/institutionsrule,%205.0.pdf>).
- Sachs, Jeffrey D. (1989). *Social Conflict and Populist Policies in Latin America*. NBER Working Paper 2897. Cambridge, Mass., 1989.
- Sen, Amartya (1997). Human Rights and Asian Values: What Lee Kuan Yew and Lee Peng Don't Understand About Asia.— *The New Republic*, July 14, 1997, Vol. 217, No. 2–3.
- Sen, Amartya (1999). The Value of Democracy.— *Development Outreach*, Summer 1999, pp. 5–9.
- Stiglitz, Josef (1998). More Instruments and Broader Goals: Moving Toward the Post-Washington Consensus. WIDER Annual Lecture. WIDER/UNU, 1998.
- Stiglitz, Josef (1999). Whither Reform? Ten Years of Transition. World Bank's Annual Bank Conference on Development Economics, Wash., D. C., April 28–30, 1999.
- Triesman, Daniel (1999). The Causes of Corruption: A Cross-National Study.— Fifth Nobel Symposium in Economics. Stockholm, September 10–12, 1999.
- UNDP (2002). *Human Development Report 2002. Deepening democracy in a fragmented world*. UNDP, 2002.
- World Bank (1996a). *From Plan to Market*. World Development Report, NY: Oxford University Press, 1996.
- World Bank, (1996b). *The Chinese Economy. Fighting Inflation, Deepening Reforms*. A World Bank Country Study, Washington, DC: World Bank, 1996.
- World Bank (1997). *The State in A Changing World*. World Development Report, NY: Oxford University Press, 1997a.
- World Bank (2001). *World Development Indicators 2001*.
- World Bank (2002). *Transition. The first ten years*. 128 pp.
- World Development Institute (WDI, 2001). *Worldwide Governance Research Indicators Datasets, 2000/01 and 1997/98* (<http://info.worldbank.org/governance/beeeps/>)
- Zakaria, F. The Rise of Illiberal Democracies.— *Foreign Affairs*, Vol. 76, No. 6, November/December 1997, pp. 22–43.